

Руководители лесозаготовок России эпохи Гражданской войны

Е. В. Воейков

Для цитирования: *Воейков Е. В.* Руководители лесозаготовок России эпохи Гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 373–388. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.204>

В статье рассматриваются малоизученные в научной литературе аспекты деятельности руководителей лесной промышленности периода Гражданской войны. Статья написана преимущественно по архивным документам, впервые вводимым в научный оборот. Автором использовались материалы двух центральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив экономики) и четырех региональных (Пензенской, Самарской, Ульяновской областей и Республики Татарстан) архивохранилищ. При этом анализируются данные 1920 г. по Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской губерниям и Татарской Автономной Советской Социалистической Республике. Явления, рассмотренные в исследовании, отражают не только региональную специфику, но и общероссийские тенденции. В 1918–1921 гг. руководители лесозаготовок находились под жестким прессингом работников Всероссийской чрезвычайной комиссии. В статье на примере губерний Поволжья подробно разбирается проводимое летом 1920 г. губернскими чрезвычайными комиссиями расследование по вопросу выполнения декрета 1919 г. о заготовке работниками лесничеств дров. В значительной степени абсурдность идеи персонального участия лесничих и лесной стражи в рубке леса понимали даже сотрудники губернских чрезвычайных комиссий, поэтому серьезных репрессий в данном случае не последовало. Вместе с тем в условиях экономического кризиса и правового хаоса Гражданской войны часть руководящих кадров лесной промышленности поддавалась искушению нарушить закон для личного обогащения. Зачастую чекистам удавалось оперативно реагировать и пресекать преступную деятельность. При этом арестам подвергались как настоящие преступники, так и добросовестные работники, пострадавшие от надуманных обвинений. По мнению автора, несмотря на распространение случаев криминала среди управленцев, большая часть руководителей лесозаготовок в экстремальных условиях военного времени честно выполнила свой служебный и гражданский долг, обеспечив страну топливом. Автор приходит к выводу, что руководитель-хозяйственник в России неизбежно оказывается в ситуации балансирования между необходимостью решения проблемы и должностным нарушением, граничащим с преступлением.

Ключевые слова: руководители лесозаготовок, чекисты, репрессии, преступления.

Евгений Владимирович Воейков — д-р ист. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Пензенский филиал, Российская Федерация, 440052, Пенза, ул. Калинина, 33 Б; EVVoeikov@fa.ru

Evgeny V. Voeikov — Dr. Sci. (History), Professor, Penza subsidiary of Financial University under the Government of the Russian Federation, 33 B, ul. Kalinina, Penza, 440031, Russian Federation; EVVoeikov@fa.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

The Heads of the Logging Industry during the Russian Civil War

E. V. Voeikov

For citation: Voeikov E. V. The Heads of the Logging Industry during the Russian Civil War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 2, pp. 373–388.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.204> (In Russian)

The article examines under-researched aspects of the activity of managers of the forest industry during the Civil war. It is mainly based on archival documents that are introduced into the scholarship for the first time. The author used materials from two central and four regional archives. The territorial scope of the study covers the Penza, Samara, Saratov, Simbirsk provinces, and the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. In 1918–1921, logging managers were under severe pressure from Cheka. The article deals in detail with the example of investigation on the implementation of the decree of 1919 on the procurement of wood by forest workers by personal labor in the provinces of the Volga region conducted in the summer of 1920 by the provincial emergency commissions. Frequently, in the context of the economic crisis and the legal chaos of the Civil war, some of the leading personnel of the forest industry were tempted to break the law for personal gain. However, both real criminals and falsely accused employees were arrested. According to the author, despite the spread of cases of crime among managers, most of the logging managers in extreme wartime conditions honestly fulfilled their official and civil duty, providing the country with fuel. The author comes to the conclusion that the business manager in Russia inevitably finds himself in a situation of balancing between finding the solution to the problem and malpractice bordering on a crime.

Keywords: logging managers, security officers, repressions, crimes.

Когда речь идет о Гражданской войне в России, обычно вспоминаются боевые действия красных и белых формирований, мобилизация в армию и массовое дезертирство, крестьянские восстания, эпидемии тифа и гриппа, голод. Между тем у Русской Смуты 1917–1921 гг. была еще одна мрачная сторона — это замерзающее в домах в холодное время года население городов, останавливающиеся из-за отсутствия топлива промышленные предприятия и железнодорожный транспорт. Топливный кризис, или по распространенному выражению тех лет «топливный голод», начал проявляться во второй половине 1918 г., повсеместно распространился по территории страны в 1919 г. и был в основном преодолен только к началу 1922 г. На территории Советской России развернулись массовые заготовки дров, а в летнее время — еще и торфа.

В данной статье на основе преимущественно впервые вводимых в научный оборот архивных материалов рассмотрены некоторые слабо изученные в отечественной историографии аспекты деятельности руководителей лесозаготовок губернского и уездного уровня на примере Поволжья в составе Пензенской, Самарской, Симбирской, Саратовской губерний и Татарской АССР в границах начала 1920-х гг. Вместе с тем изученные автором архивные и опубликованные документы позволяют утверждать, что рассмотренные в статье явления не были локальной спецификой указанного региона, а являлись широко распространенными и типичными для значительной части губерний России.

В последние десятилетия в отечественной историографии усилилось изучение индустриальной истории России первой половины XX в.¹ В большинстве работ личность руководителя промышленности рассматривается в контексте общего развития предприятия или отрасли. Между тем, помимо руководства предприятием или организацией, управленец в годы Гражданской войны, нэпа, довоенных пятилеток неизбежно должен был налаживать неформальные контакты с вышестоящими руководителями, от которых зависело снабжение. Иначе в условиях хронического недофинансирования и недостатка всех необходимых для работы материалов сама возможность нормального функционирования предприятия оказывалась под вопросом. В условиях нестабильной экономики роль руководителя предприятия, треста, производственного участка становилась особенно значимой, поскольку возникновение чрезвычайных ситуаций требовало принятия нетрадиционных решений, иногда на грани между соблюдением закона и должностным преступлением.

Начинать работы по заготовке дров в 1918 г. пришлось в сложной ситуации военного времени и экономического кризиса. В условиях инфляции Гражданской войны размер зарплаты работников лесничеств резко сократился, многие лесники перешли на службу в другие организации. Не хватало инструментов, рабочих лесозаготовок вопреки многочисленным декретам местные военкоматы часто призывали в ряды Красной армии. В условиях нарастающей инфляции и отсутствия государственной магазинной торговли денежная часть зарплаты стремительно теряла покупательную способность, главным условием привлечения местного населения на заготовки дров становилась выдача продовольствия и промтоваров, которых не хватало. Между тем центр и губернские власти настойчиво требовали дров как можно больше и как можно быстрее. На плечи руководителей лесной промышленности в регионах России легла тяжелая ноша ответственности за судьбу экономики страны.

Лесозаготовки в 1919–1920 гг. велись широким кругом различных организаций под руководством губернских лесных комитетов (гублескомов), подчинявшихся Главлескому при ВСНХ. В 1921 г. все заготовки и распределение топлива в губернии передали в ведение губернских управлений по топливу (губтопов). В Поволжье руководителями отделов гублескомов, гублесотделов и губтопов, начальниками производственных участков в лесничествах стали преимущественно лесничие и их помощники со средним и высшим лесным образованием и многолетним стажем работы².

¹ См., например: *Баканов С. А.* Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012; *Зыкин И. В.* «Зеленое золото» индустриализации. Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 — первой половине 1941 года. Нижний Тагил, 2015; *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 — июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2005; *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка» близ Садового кольца: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001. М., 2005; *Мухин М. Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М., 2006; *Поликарпов В. В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015; *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009; *Соколов А. К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М., 2012; *Хазиев Р. А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах: Хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007; *Чолахян В. А.* Нижневолжский вариант индустриальной модернизации (конец XIX в. — 1930-е гг.) // *Российская история.* 2012. № 3. С. 20–32.

² Подробнее см.: *Воейков Е. В.* Руководители топливной промышленности Поволжья 1918 — начала 1920-х гг. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2011. Т. 13, № 3. С. 118–123.

Напряженная обстановка экономического кризиса, в которой временами приходилось работать организаторам лесозаготовок, отражена в докладе производителя работ 1-го участка Самарского лесозаготовительного района И. Давыдова от 26 января 1921 г. После того как он убедил крестьян ближайших селений начать рубку и вывозку леса, «крестьяне стали являться с настойчивыми требованиями об удовлетворении их фуражом, премией и деньгами». Далее, писал в докладе этот руководитель, «так как мы ничем этим удовлетворить не могли, то крестьяне, считая нас обманщиками, открыто заявили, что возить они более не будут». В итоге заготовка дров остановилась, даже появление руководителя работ на своем участке стало проблематичным: «Между тем, возчики положительно осаждают контро-ру, требуя уплаты всего ими заработанного, так что мне становится невозможным явиться туда»³. Бывали случаи и серьезнее угроз обманутых сезонных рабочих-лесозаготовителей. Специалист лесного дела И. Р. Морозов, начавший в те годы свою трудовую деятельность, так характеризовал судьбу лесничего в годы Гражданской войны: «Это его одинаково расстреливали и белые, и красные. Белые — за то, что сотрудничает с красными, а красные — за то, что он в их отсутствие, по всей вероятности, помогал белым»⁴. В докладе Елабужского уездного лесного комитета (Казанская губерния) приводился эпизод гибели производителя работ: «13 апреля [1919 г.] Железнов с кассиром Жуковым попали в плен к белым во время объезда по осмотру работ... и по подтвердившимся сведениям их расстреляли в селе Алнашах»⁵.

В условиях дефицита продовольствия и промтоваров гублескомы на местах не всегда могли своевременно выдавать натуральную часть зарплаты, что вызывало массовый уход рубщиков и возчиков с лесозаготовок. Ответом государства стала топливная трудовая повинность. Декретом от 19 ноября 1919 г. вводились: «трудо-вая повинность по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива» и «гужевая повинность для подвоза топливных грузов»⁶.

Следующим декретом Совнаркома от 21 ноября 1919 г. работники лесничеств также привлекались к работам: «Привлечь к дровозаготовкам на основании полной милитаризации всех сотрудников лесного ведомства, все лесные органы Народного комиссариата земледелия, возложив на каждое лесничество под ответственностью лесничего обязательное производство личным трудом всех сотрудников лесничества заготовку топлива на государственные нужды»⁷. Подробности организации заготовок дров «личным трудом» содержались в изданной в дополнение к декрету 21 ноября 1919 г. инструкции, утвержденной СНК 29 ноября 1919 г.⁸ В пункте 2 данного документа содержался полный перечень лиц, привлекаемых к заготовкам:

³ Протоколы съезда лесозаготовителей // Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. Р. 235. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

⁴ Статья кандидата сельскохозяйственных наук И. Р. Морозова «Героические годы национализации лесов и создания общенародного лесного фонда (1918–1921 гг.)» // Экология и власть. 1917–1990. Документы. М., 1999. С. 58.

⁵ Протоколы заседаний и отчетные доклады Елабужского уездного лесного комитета // Государственный архив Республики Татарстан (далее — ГАРТ). Ф. Р. 403. Оп. 1. Д. 75. Л. 49.

⁶ Декреты Советской власти. Т. VI. М., 1973. С. 284.

⁷ Декрет Совета народных комиссаров «О привлечении к дровяным заготовкам всех сотрудников лесного ведомства и всех лесных органов Народного комиссариата земледелия и о некоторых изменениях в составе управления лесным делом» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 59. Ст. 553.

⁸ Там же. Ст. 554.

«Привлекаются все сотрудники центральных и местных лесных учреждений, лесо-устроительные партии в полном составе, лесные инспекторы всех наименований, лесничие, товарищи лесничих, делопроизводители и письмоводители лесничеств, культурные надзиратели, объездчики, лесники». В пункте 6 устанавливались индивидуальные нормы заготовки: не менее пяти кубических сажень в месяц для лиц не старше 50 лет и 4 кубические сажени⁹ для тех, чей возраст был более 50 лет. Пункт 3 гласил: «Никто не может отказаться». За неисполнение пункт 4 предусматривал «выговор, вычет из зарплаты, арест, предание революционному суду с немедленным применением высшей меры наказания».

Понять мотивы авторов этой идеи несложно. Чтобы заготовить больше дров в 1919 г., была введена топливная трудповинность, распространявшаяся в основном на крестьянство. Казалось, вполне логичным следующим шагом было привлечь к выполнению принудительных заданий по заготовке дров еще и служащих лесничеств, которые все равно были задействованы на лесозаготовках в качестве технических руководителей.

Обращает на себя внимание наличие в перечне привлекаемых к дровозаготовкам «личным трудом» делопроизводителей и письмоводителей лесничеств. Именно в эти годы на местах наблюдался острый дефицит как специалистов лесного дела, так и обычных канцелярских работников. В адресованной в гублеском докладной записке руководителя Рождественского участка Жигулевского лесозаготовительного района Самарской губернии от 5 декабря 1920 г. характеризовалась напряженная ситуация с делопроизводством: «Канцелярских служащих всего только один человек... дело с отчетами постепенно запутывается, несмотря на то что я просиживаю над канцелярской работой целыми ночами»¹⁰. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Казанской губернии. В докладе Свяжского уездного лесного комитета о своей деятельности за период с 1 февраля по 12 декабря 1919 г. отмечалось: «Канцелярия уездлескома со дня организации страдает отсутствием опытных канцеляристов, а также полным отсутствием специалистов. Со дня организации и до сего времени нет бухгалтера. Получить его, несмотря на все требования в местный отдел труда и просьбы в исполком, не удалось»¹¹. Не хватало специалистов лесного дела и делопроизводителей и в лесничествах Пензенской губернии. В журнале комиссии коллегии Керенского¹² уездного земельного отдела от 30 сентября 1919 г. был зафиксирован доклад Керенского лесничего «о том, что имеющийся в лесничестве один делопроизводитель не в состоянии справиться с текущей канцелярской работой»¹³.

С учетом вышеизложенной информации можно констатировать, что вреда от отсутствия на своем рабочем месте данной категории работников в условиях не-

⁹ Объемы заготовленной древесины в те годы измерялись в кубических сажнях. Кубическая сажень равнялась 9,71 м³. См.: *Селибер Б. И.* Справочник по лесной промышленности и лесному хозяйству. Пг., 1923. С. 228.

¹⁰ Протоколы, доклады, схема распределения лесничеств по лесозаготовкам // ЦГАСО. Ф. Р. 235. Оп. 1. Д. 15. Л. 77.

¹¹ Доклад о деятельности Свяжского уездного лесного комитета // ГАРТ. Ф. Р. 403. Оп. 1. Д. 58. Л. 13.

¹² Керенск — уездный центр Пензенской губернии, ныне Вадинск, райцентр Пензенской области.

¹³ Протоколы заседаний Керенского уездного земельного отдела // Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО). Ф. Р. 309. Оп. 1. Д. 772. Л. 20.

достатка канцелярских работников в лесничествах и запутанной отчетности лесозаготовок и прочей делопроизводственной документации было явно больше, чем экономической пользы от нескольких заготовленных ими кубических саженей дров. Также абсурдным представляется требование декрета от 21 ноября заставить лесничего и его заместителей несколько дней (если не неделю) в месяц лично валить деревья в заснеженном лесу и потом разделять бревна на дрова. Так, в докладе ревизора-инструктора Приволжского лесозаготовительного района Самарской губернии от 18 сентября 1919 г. подчеркивалось: «Недостатком существующей организации работ, и весьма существенным, является совмещение должностей производителей работ лесничими... даже при полной готовности лесничего посвятить свои силы делу разработок, он настолько перегружен своими прямыми обязанностями, что при двойной работе страдают оба дела»¹⁴.

Летом 1920 г. по всей стране осуществлялась крупномасштабная проверка выполнения декрета от 21 ноября 1919 г., возложенная на работников местных отделов ВЧК. Служащих лесничеств обвиняли в уклонении от выполнения декрета и срыве лесозаготовок. Работники лесничеств пытались объяснить невозможность выполнения этих индивидуальных заданий по трудповинности. Например, Череповецкий гублеском в направленном в губчека докладе от 12 июля 1920 г. сообщал: «...назначенную ежемесячную норму не менее 5 куб. саженей дров... даже опытный специалист лесоруб может выполнить только в 20 рабочих дней. Для неприспособленных же рубщиков, коими являются лесные техники, таковая норма едва ли выполнима даже и в том случае, если они будут работать в лесу... полный месяц... Другими словами, привлечение к личной трудовой повинности равносильно полному прекращению работ лесных специалистов как таковых и как руководителей заготовок»¹⁵. Но чекистов такие «тонкости» обычно не волновали. Во многом судьба этих людей зависела от позиции, занимаемой в данном вопросе местными правоохранительными органами. Например, председатель губчека сообщал из Брянска в телеграмме от 5 июля 1920 г. о применении наказаний: арестовано 10 человек, сидят 4 человека, в концентрационном лагере — 2 человека, освобождено 3 человека¹⁶.

В Поволжье оказались более гуманные работники губернских чрезвычайных комиссий: судя по имеющимся в архивном деле материалам, расстрелов и заключений в концлагерь в Казанской, Пензенской, Симбирской губерниях не было, но к следствию работники лесничеств привлекались, и аресты производились.

В телеграмме из Казани от 18 июня 1920 г. сообщалось о принятых действиях к работникам лесничеств: «...по отношению к ним... репрессий никаких не принималось, так как уклонений с их стороны не замечалось»¹⁷. Но уже в докладе, направленном в президиум ВЧК Казанской губернской чрезвычайной комиссией, датированном 31 июля, после приведения данных о выполнении итогов лесозаготовок 1919/20 г. сообщалось, что «работа Казанского гублеса проходила слабо, и не

¹⁴ Протоколы заседаний, доклады о деятельности секции топлива гублескома // ЦГАСО. Ф. Р. 235. Оп. 1. Д. 3. Л. 29–29 об.

¹⁵ Протоколы заседаний Главлескома, доклады о лесозаготовках // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р. 130. Оп. 3. Д. 337. Л. 376–376 об.

¹⁶ Там же. Л. 356.

¹⁷ Там же. Л. 311.

было применено максимального напряжения работы, это можно объяснить лишь так, что состав служащих как гублескома, так и заготовителей состоит из людей лагеря, стоящих против советской власти, что подтверждается арестами некоторых ответственных лиц»¹⁸. Почему отношение казанских чекистов к работникам лесного ведомства своей губернии за две недели так кардинально изменилось, понять из материалов дела невозможно.

В телеграмме из Симбирска от 14 июня 1920 г. зампредгубчека сообщал в ВЧК: «Исполнение приказа тормозит Симгублеском, уклоняется от дачи прямых ответов на запросы Симгубчека. Гублескомом до 30 апреля не приняты меры к выяснению саботирующих. 39 лесничих Симгубчека 24 мая наказаны арестом на три воскресения за непредставление отчетности в Симгублеском. 11 июня наказаны лесник и объездчик Жигулевского лесничества арестом на пять воскресений... Ведется тщательное следствие по выяснению преступной халатности Симгублескома...»¹⁹ В июльской телеграмме из Симбирска сообщалось, что «с первого по тринадцатого июля арестовано на пять воскресений пять лесников»²⁰. В отправленном в Совет рабоче-крестьянской обороны отчете Симбирской губчека от 17 июня 1920 г. приводились следующие сведения: «В Симгубчека поступают лишь скудные сведения через Симгублеском об отказавшихся исполнить декрет от 21 ноября... Количество действительно заготовленных дров путем личного труда сотрудников лесного ведомства не установлено за отсутствием точных сведений в Симгублескоме»²¹. Судя по приведенным отрывкам из документов, работники Симбирского гублескома, понимая невозможность выполнения требований декрета о заготовке дров работниками лесничеств, избрали тактику затягивания предоставления сведений в губчека. По данным Симбирской губчека, «с начала заготовок по настоящее время (август 1920 г. — *Е. В.*) заготовлено дров сотрудниками лесного ведомства личным трудом около тысячи кубов». В отправленном 11 августа 1920 г. в губчека объяснении Симбирский гублеском привел целую группу причин, делающих невозможным заготовку дров работниками лесничеств в полном объеме: «1) большой процент (около 50) нетрудоспособных сотрудников лесного ведомства, 2) отсутствие у сотрудников обуви, продуктов питания и, главным образом, инструментов и 3) невозможность совмещения обязанностей по охране леса и отводов лесосек для лесозаготовительных организаций и местного населения и, главным образом, по причине борьбы с лесными пожарами»²². Интересно отметить, что симбирские чекисты в отчете признали указанные причины «оправдывающими малоуспешность заготовок личным трудом сотрудников лесного ведомства». Но это не помешало им обнаружить в деятельности гублескома «недостаточность проявленной в деле проведения в жизнь декрета... энергии... Симгубчека привлекает гублеском к ответственности по обвинению в саботаже»²³.

Аналогичное обследование проводилось в начале августа 1920 г. чекистами и по 41 лесничеству Саратовской губернии. Предсказуемо выяснилось, что в боль-

¹⁸ Там же. Л. 424.

¹⁹ Там же. Л. 298.

²⁰ Там же. Л. 388.

²¹ Там же. Л. 333.

²² Там же. Л. 525.

²³ Там же. Л. 525 об.

шинстве лесничеств «никаких заготовок дров личным трудом на государственные нужды служащими лесничества не производилось и не производится». От 5 до 36 кубических сажень было заготовлено только в семи лесничествах. Причины невыполнения в докладе Саратовской губчека объяснялись «отсутствием лесорубочных инструментов»²⁴. Меры по отношению к работникам лесничеств саратовских чекистов были аналогичны тем, что предприняли в Казанской и Симбирской губерниях, — аресты с целью побудить выполнить декрет.

Наиболее подробные и интересные материалы сохранились в архивном деле по Пензенской губернии. Пензенский гублеском при выполнении декрета от 21 ноября 1919 г. избрал другую тактику. В отправленной в Москву телеграмме от 16 июня 1920 г. за подписью предгубчека Р.И. Аустрина сообщалось: «Гублеском предложил лесничествам заготовку дров производить хозяйственным способом наемными рабочими, а сотрудников использовать как техническую силу, что лесничими и делалось. До сих пор нами обследовано 13 лесничеств, из которых только в одном 3 сотрудника были привлечены к заготовкам личным трудом и заготовили всего три с половиной куба»²⁵. В докладе Пензенской губчека по обследованию Пензенского гублескома от 15 июня 1920 г. по результатам обследования Засурского лесничества сообщалось: «Секретно-оперативный отдел губчека... имея в виду, что лесничий часть работников лесничества мог привлечь к дровяным заготовкам личным трудом и таким образом поднять успешность самой заготовки, лесничего Засурского лесничества Бундаса Николая Николаевича привлечь к следствию по настоящему делу в качестве обвиняемого, но от меры наказания в отношении этого лесничего временно уклониться до установления положения заготовок дела в других лесничествах, ибо в Засурском лесничестве дровяные заготовки производились успешно...»²⁶ Таким образом, пензенские чекисты предпочли занять выжидательную позицию, не желая наказывать честно выполняющих свой долг людей, на которых держалось все дело заготовок в губернии. Аналогичные меры («от меры наказания временно уклониться») были предприняты в отношении лесничего Леонидовского лесничества В. И. Гералтовского, лесничего Кичкилейского лесничества А. В. Грудистова, лесничего Бессоновского лесничества К. Е. Варденбурга.

Следует обратить внимание, что пензенские чекисты сочли необходимым отметить в своем докладе об обследовании Пензенского гублескома по обвинению в саботаже декрета от 21 ноября 1919 г. наличие целого комплекса объективных и субъективных причин, препятствующих успешному ходу работ по дровозаготовкам. «Касаясь причин такой плохой заготовки дров в вышеуказанных 13 лесничествах и особенно 9 последних, можно сказать следующее: 1) что часть вины падает на гублеском, 2) часть вины падает на органы по проведению трудовой повинности и 3) часть вины падает на лесничих и других работников лесничества... В отношении органов по проведению трудовой повинности усматривается, что таковые на запросы лесничеств не могли предоставить им необходимое количество рубщиков и пильщиков, и вообще рабочих... Нельзя не указать на то обстоятельство, что в лесничествах не хватает пил, топоров и др. инструментов»²⁷.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р. 130. Оп. 3. Д. 337. Л. 459.

²⁵ Там же. Л. 302, 322 об.

²⁶ Там же. Л. 321.

²⁷ Там же. Л. 323 об.

Тем не менее наказаниям работники пензенских лесничеств все-таки подверглись. В докладе губчека от 15 июня по результатам обследования Маисского лесничества констатировалось: «Усматривается нежелание работать по заготовке дров как со стороны лесничего Васильева, так и его двух помощников Левушкина и Винокурова. Запущена также работа по лесничеству и в области своего специального назначения». Руководитель Маисского лесничества В. С. Васильев был «препровожден при материале в Транспортный отдел ВЧК»²⁸. В телеграмме в президиум ВЧК от 16 июня 1920 г. руководитель Пензенской губчека сообщал, что за неисполнение декрета от 21 ноября подвергнуты штрафу в размере 50 и 25 тысяч рублей с заготовкой дров личным трудом сверх нормы по десять и пять куб. саж. 33 работника лесничеств; еще 11 человек были арестованы на несколько суток²⁹.

Следует отметить, что с момента образования в июне 1918 г. по 1 сентября 1920 г. Пензенской губернской чрезвычайной комиссией было арестовано 5520 человек, из них были расстреляны 584, заключены в тюрьму 621, отправлены в лагерь принудительных работ 196, освобождены 3793 человека³⁰. С учетом приведенной информации можно констатировать, что альтернатива в виде более суровых наказаний для работников лесничеств Пензенской губернии существовала. Вероятно, у пензенских чекистов, как и у их симбирских коллег, возобладало обычное здравомыслие живущего в России человека, вынужденного выполнять непродуманные распоряжения центра: если отправить в тюрьму руководящих заготовкой дров руководителей и служащих лесничеств, то непонятно, кто же тогда будет заниматься спасением страны от топливного кризиса.

Для периода Гражданской войны характерна тенденция «странных» арестов работников лесного ведомства. Например, в Самарской губернии в 1919 г. была арестована, как потом выяснилось, «по ложному доносу» группа руководителей и служащих Бузулукского лесозаготовительного района в количестве 10 человек³¹. Заведующий 10-м лесозаготовительным районом Татарского райлескома П. М. Смоленцев сообщал в докладе от 23 апреля 1921 г.: «При организации лесозаготовок по только что установленном санному пути 17 декабря я был арестован...»³² Судя по тому, что П. М. Смоленцев смог в апреле написать свой доклад, декабрьский арест 1920 г. не имел для него серьезных последствий. В начале 1922 г. в Средне-волжском областном топливном управлении были арестованы несколько работников, в том числе руководитель Е. Ф. Вагнер. Впоследствии приехавшая комиссия «не установила состава преступления арестованных»³³.

Возможная мотивация лиц, производящих подобные аресты, описана в письме в редакцию газеты Саратовской губернии: «В селе Варановке секретарь волостного исполнительного комитета Иванкин, он же член исполкома, на днях напился

²⁸ Там же. Л. 322 об.

²⁹ Подсчитано по: Там же. Л. 302.

³⁰ Из отчета Пензенской губчека о деятельности со дня организации по 1 сентября 1920 г. // Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1: 1918–1922 гг. М., 2000. С. 313–315.

³¹ Отчеты лесозаготовительного отдела // ЦГАСО. Ф. Р. 235. Оп. 1. Д. 10. Л. 338 об.

³² Протоколы съезда лесозаготовителей и доклады о работе 9-го лесозаготовительного района // ГАРТ. Ф. Р. 1424. Оп. 1. Д. 69. Л. 26.

³³ Доклады и отчеты о деятельности управления за 1922 г. // ГАРТ. Ф. Р. 542. Оп. 1. Д. 12. Л. 153.

пьяный, взял револьвер и винтовку... и послал арестовать или же расстрелять лесничего из Чеурунахманского лесничества»³⁴.

Участившиеся случаи необоснованных репрессий руководителей лесозаготовок были замечены и в Главном лесном комитете. Заместитель председателя Главлескома М. В. Рыкунов отметил в докладе о деятельности своего главка в 1920 г.: «Частые аресты ответственных сотрудников терроризируют их и убивают инициативу»³⁵.

Чтобы выполнить задание по заготовкам дров в условиях экономического кризиса и перебоев в снабжении продовольствием и инструментами, руководитель эпохи Гражданской войны должен был находить новые эффективные и нестандартные пути решения непрерывно возникающих проблем. Руководящий работник Пензенского губсовнархоза В. М. Белов, возглавивший позднее лесозаготовительный отдел в гублескоме, вспоминал о разговоре с начальником участка Кривцовым, предложившим заинтересовывать крестьян-лесорубов изделиями из древесины (колесами, санями, телегами, лаптями): «Я почувал, что этот Кривцов разовьет тут такую деятельность, что... превратит себя в такого, невиданных размеров, промышленника и дельца, что забудет о заготовке и вывозке дров. Губерния-то ведь ремесленная, многие из ремесленников оказались мобилизованными на заготовку дров. И они охотнее будут заниматься своим ремеслом, чем валкой и пилкой леса». В руководящем работнике губернского совнархоза боролись два человека. С одной стороны, налицо было явное посягательство на чистоту идеалов социалистической экономики и введение элементов частного предпринимательства, с чем он, как честный коммунист, примириться не мог. С другой стороны, здравый смысл подсказывал, что в сложившихся условиях нужно использовать любые средства, которые позволяют выполнить задачу заготовки дров более эффективно. В данной ситуации в Белове победил практик-реалист. Далее он отмечал: «Втихую этот заготовитель производил и многое другое, но заготовка и вывозка по этому участку действительно значительно увеличились. Потом выяснилось, что этим делом, потихоньку, без разрешения занимались и другие, наиболее инициативные начальники участков. Не обижая себя, помогали и Советской власти. Пришлось ограничивать ассортимент на изготовление изделий, ввести хоть какой-то учет изготовленного, установить норму оплаты за изготовление и вывозку леса. Но придумано это было здорово, дельно и полезно»³⁶.

В приведенном эпизоде ситуация разрешилась со взаимным соблюдением интересов сторон. Но подозрения идейного коммуниста В. М. Белова были не такими уж надуманными. На производство предметов ширпотреба в лесничествах неизбежно тратились средства, выделяемые государством для заготовки дров, отвлекались рабочие. У руководителя участка в лесничестве при производстве «левой» неучтенной продукции всегда был соблазн часть средств положить не в казенный, а в собственный карман. Тем более что в обстановке тотального дефицита промтоваров приехавшие на лесозаготовки крестьяне при малейшем намеке сами бы от-

³⁴ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 54.

³⁵ Материалы о работе Главлескома. Т. 2 // Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2013. Л. 31.

³⁶ Белов В. М. О работе в Пензенском губернском совете народного хозяйства // Антология. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. Т. 7. М., 2016. С. 250.

благодарили начальника за возможность приобрести у него колеса, сани, обод, мочало, деготь и прочую продукцию лесных промыслов. В условиях голодного времени даже незамысловатые подношения продукцией крестьянского хозяйства в виде яиц, масла, картофеля, соленых грибов давали возможность для безбедного существования самого руководителя и его семьи. Несовершенство законодательства и постоянные реорганизации лесозаготовительных структур приводили к тому, что руководящему работнику в годы Гражданской войны приходилось все время балансировать на грани между исполнением служебного долга и криминалом.

Как легко было оступиться и встать на путь преступления, свидетельствует дело руководителя Пензенского губернского лесного комитета. В октябре — ноябре 1920 г. чекистами были арестованы председатель коллегии гублескома И. М. Юкин, член коллегии Я. Ф. Роут, заведующий подотделом снабжения И. П. Косухин и еще пятеро работников лескома³⁷.

И. М. Юкин обвинялся в получении денег по подложному счету, незаконном получении глюкозы и крахмала, нецелевом расходовании денежных средств и продовольствия³⁸. По поводу обвинения в выдаче 700 тысяч рублей для оплаты подложных счетов, из которых взял себе 150 тысяч, председатель гублескома дал объяснение: «Получил 100 000 рублей..., не зная о подлоге своевременно. В этом моя главная вина»³⁹. Получение для личных нужд предназначенных рабочим лесозаготовок глюкозы и крахмала И. М. Юкин также признал. Другие обвинения, по мнению руководителя Пензенского гублескома, возникли в результате путаницы с документальным оформлением отправленных на производственные участки продуктов, а некоторые обвинения были откровенно надуманными.

Отдельные пункты дела характеризовали И. М. Юкина как энергичного руководителя-хозяйственника, вынужденного решать возникающие проблемы своей организации не вполне безупречными с точки зрения закона средствами. Например, покупку 12 лошадей для обоза гублескома, что нарушало обязательное постановление губисполкома, И. М. Юкин объяснил тем, что «без них не смог бы выполнить срочных работ по транспорту, решив лучше ответить за покупку, чем за торможение в работе»⁴⁰.

Приговоренный к расстрелу бывший руководитель Пензенского гублескома, как он сам впоследствии вспоминал, «сутки ожидал расстрела в камере смертников в Пензенской Чека». Приведение приговора в исполнение было отсрочено, дело отправлено на повторное расследование. Находясь в заключении, И. М. Юкин написал письмо руководителю ВСНХ А. И. Рыкову, в котором изложил свою биографию и краткое содержание своего дела: «Я сын бедного простого рабочего железной дороги, учился на гроши, заработанные самим, и лишь своему тяжелому труду обязан своим образованием. Я окончил Петроградский лесной институт ученым лесоводом и жизнь свою думал посвятить своей истерзанной родине... Я не хочу оправдывать ни себя, ни сидящих со мной товарищей в том, что мы невиновны, что наши поступки не заслуживают наказания». Но при этом И. М. Юкин подчеркивал:

³⁷ Приказы Пензенского райотдела управления лесозаготовок // ГАПО. Ф. Р.952. Оп. 1. Д. 1. Л. 125, 136 об.

³⁸ Материалы о работе Главлескома. Т. 3 // РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2014. Л. 38 об.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

«Мы не бандиты, а слабовольные люди, случайные преступники, силою жизненных условий вовлеченные в преступление и зятянутые им... Я — ученый лесовод. Разве моя работа будет менее полезна родине, чем моя смерть?»⁴¹.

Вероятно, и пролетарское происхождение Юкина, и его членство в компартии, и успешная работа Пензенского гублескома под его руководством в 1919–1920 гг. были учтены при окончательном вынесении приговора. Могло сыграть свою роль обращение к А. И. Рыкову. За пензенского руководителя заступился и Главный лесной комитет. По инициативе заведующего лесозаготовительным отделом Главного лесного комитета А. А. Апушкина, лично знавшего Юкина, совет лесоводов Главлескома в конце декабря 1920 г. составил следующую характеристику: «Тов. Юкин... был назначен заведующим Вологодским лесным подотделом... проявил большую работоспособность, энергию и знание дела... В 1919 г., как энергичный работник, т. Юкин был переведен в Пензенский гублеском, где, быстро ориентировавшись в порученной ему работе, проявил большую активность, знания и опыт, чем способствовал усилению лесозаготовительных работ в губернии»⁴². Данная характеристика была включена в отправленное в ВЧК ходатайство.

Судя по сохранившимся архивным материалам, И. М. Юкин действительно обладал необходимыми для руководителя качествами, и это обстоятельство отмечалось современниками. Уже через три дня после его ареста в Пензенский губернский совет народного хозяйства было отправлено заявление, подписанное пятью руководителями отделов гублескома, где подчеркивалось: «Мы, заведующие отделами, просим президиум губсовнархоза в срочном порядке выяснить вопрос об аресте т. Юкина, продолжительности его ареста и возможности возвращения к нормальной работе, так как отсутствие такого незаменимого работника и руководителя, каковым был т. Юкин, неминуемо повлечет за собой общий срыв всей зимней кампании»⁴³.

Но избежать наказания И. М. Юкину и еще нескольким работникам Пензенского гублескома не удалось. Заведующий отделом гублескома В. М. Белов вспоминал: «Наши предшественники И. М. Юкин, Я. Ф. Роут с большой группой работников оказались неустойчивыми людьми, проворовались, не устояли перед глюкозой, мануфактурой. Были судимы открытым заседанием революционного трибунала и приговорены к расстрелу, замененному тюремным заключением на разные сроки»⁴⁴.

Новый послереволюционный государственный аппарат РСФСР, по мнению историка Е. Г. Гимпельсона, унаследовал от дореволюционного склонность к коррупции⁴⁵. В условиях дефицита продовольствия и товаров широкого спроса многим руководителям, допущенным к распределению материальных ценностей, было трудно устоять перед соблазном улучшить свое материальное положение. Проработавший несколько лет в одном из отделов Главлескома и уехавший затем за границу служащий, оставил любопытные воспоминания о механизме коррупции госаппарата в Советской России. Распространенным способом хищения государ-

⁴¹ Материалы о работе Главлескома. Т. 3 // РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2014. Л. 37–37 об.

⁴² Там же. Л. 35.

⁴³ Протоколы, доклады Пензенского гублескома // ГАПО. Ф. Р. 442. Оп. 1. Д. 324. Л. 108.

⁴⁴ Белов В. М. О работе в Пензенском губернском совете народного хозяйства. С. 255.

⁴⁵ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998. С. 207.

ственных средств являлось представление подложных документов: «Составляется годовая смета завода или целого гублескома. Главлескомом отпускается по смете громадная сумма денег, отчет в израсходовании которой дается когда угодно и как угодно... Подаются и утверждаются миллионные сметы на давно сгоревшие или заведомо безнадежные бездействующие заводы». Кроме указанного способа практиковалось и непосредственное вручение определенной суммы денег нужным лицам: «Независимо от этого непосредственного присвоения и расхищения казенного имущества, процветает и взяточничество в собственном смысле... В области заготовки и вывозки дров и лесных материалов, где допускается в извращенной и хищнической форме частная инициатива в виде сдачи подрядов, берут при подписании договоров, берут за отвод лесных площадей, берут за выдачу авансов, берут за отпускаемое продовольствие и инструменты, берут при приемке дров, берут за подлоги в обмере дров и в указании расстояния вывозки, — словом, всех возможностей взять не перечесть...»⁴⁶

Субъективное мнение служащего Главлескома, написавшего за границей свои воспоминания, подтверждается архивными материалами. Так, в ходе проверки инспекцией ВСНХ финансово-счетного отдела Главного лесного комитета в июне 1919 г. обнаружилось, что губернским лесным комитетам было выдано 1,3 миллиарда рублей, при этом представили отчеты расхода данных средств только несколько гублескомов⁴⁷. По результатам ревизии Костромского гублескома в октябре 1919 г. были обнаружены «необоснованные ссуды организациям, как государственным, так и частным»⁴⁸.

Характерно, что в числе предъявленных руководителю Пензенского лесного комитета обвинений было и такое: «Незаконно выдавал мануфактуру (ткань. — Е. В.) лицам других ведомств, не имевших отношения к гублескому». По данному вопросу И. М. Юкин объяснил: «Выдавал, но никаких личных выгод не преследовал»⁴⁹. Думается, что «правдивый, решительный и прямой» И. М. Юкин, как его характеризовали в направленном в ВЧК ходатайстве работники Главлескома, пытался решить проблему снабжения губернских лесозаготовок любыми доступными средствами и стал играть по правилам коррумпированной среды госаппарата, за что и понес заслуженное наказание.

В воспоминаниях руководящего работника Пензенского губсовнархоза и гублескома В. М. Белова, помимо дела Юкина, приводился еще один эпизод: «Тов. Темкин Арон Абрамович, председатель коллегии гублескома и я, были крайне обрадованы, когда нашу коллегию пополнили техником по образованию, освобожденным из рядов Красной армии после ранения — командиром тов. Никитиным. Но эта наша радость жила недолго. Поведение его с первой же недели его работы нас насторожило. Он закрепил за собой рысака, взял со склада тулуп на волчьем меху и больше использовал рысака, чем занимался делом. Начал выписывать себе со склада продукты и товары. Через два месяца его деятельности мы поставили

⁴⁶ *Рапорт И.* Полтора года в советском главке // Архив русской революции: в 22 т. Т. 2. М., 1991. С. 103–105.

⁴⁷ Доклады об обследовании Главлескома // РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 1469. Л. 14.

⁴⁸ Протоколы заседаний Главлескома // ГАРФ. Ф. Р. 130. Оп. 3. Д. 334. Л. 80.

⁴⁹ Материалы о работе Главлескома. Т. 3. Л. 39.

вопрос о снятии его с работы, и он был освобожден»⁵⁰. В данном случае удалось обойтись без ареста и последующего суда, но общее стремление отдельных руководителей использовать служебное положение для решения своих материальных проблем проявляется в приведенном эпизоде весьма отчетливо.

В течение 1921 г. в центре и на местах привлекались к ответственности руководящие работники топливных и лесозаготовительных органов, в ряде случаев эти работники понесли весьма суровые наказания. В ходе судебного процесса по делу занимавшегося распределением топлива Главного топливного комитета в январе 1921 г. за должностные преступления были расстреляны заведующий контрольным отделом и контролер Главтопа, еще ряд работников приговорили к различным срокам лишения свободы и принудительным работам⁵¹.

В Саратовской губернии чекисты весной 1921 г. выявили факты спекуляции топливом в губтопе и губвиде⁵². Судя по опубликованным сведениям о данном судебном процессе, работники губчека Поволжья в годы Гражданской войны умели не только мучить перегруженных тяжелой работой на лесозаготовках лесничих и их помощников, но и ловить настоящих преступников. Заведующий губернской военно-инженерной дистанцией, его заместитель и заведомо губтопа в условиях топливного кризиса спекулировали дровами и углем, за что и были расстреляны⁵³.

В Симбирской губернии в 1921 г. началось следствие в отношении работников губтопа. При этом выяснилось, что ранее возглавлявшие Симбирский гублеском М. М. Фомин и лесозаготовительный отдел в данном лескоме С. В. Чихачев допускали злоупотребления по службе и финансовые махинации. В июне 1922 г. они были приговорены к наказанию в виде нескольких лет лишения свободы⁵⁴.

Следует подчеркнуть, что все-таки подавляющее большинство руководящих работников гублескомов и гублесотделов Поволжья в годы Гражданской войны честно и достойно выполняли свой долг, не запятнав себя злоупотреблениями и преступлениями. Профессионалом своего дела зарекомендовал себя, как было отмечено в докладе председателя комиссии ВСНХ А. В. Иогихесса, «пользующийся всеобщим уважением в городе Самаре председатель гублескома тов. Макшеев». Руководитель Пензенского гублескома И. М. Юкин за злоупотребления попал под суд. В то же время архивные документы свидетельствуют о высоком профессионализме начальников отделов Пензенского гублескома, таких как В. М. Белов, В. И. Коткоровский, А. А. Соколов, И. Г. Акатов⁵⁵. Руководители Симбирского гублескома М. М. Фомин и С. В. Чихачев были осуждены за хозяйственные преступления. Но в те же годы в той же Симбирской губернии в лесном отделе губземуправления оказались активно работающие специалисты лесного дела Л. И. Яшнов, П. Г. Котов, Д. И. Морохин, которые в ситуации острого топливного кризиса думали о будущем

⁵⁰ Белов В. М. О работе в Пензенском губернском совете народного хозяйства. С. 255.

⁵¹ Судебный отдел. Приговор по делу «Главтопа» // Правда. 1921. 6 января.

⁵² Губтоп — губернский комитет по топливу, занимался распределением топлива среди потребителей; губвид — губернская военно-инженерная дистанция — орган управления заготовками дров для военного ведомства.

⁵³ От Саратовской губчека // Известия. Саратов. 1921. 10 апреля.

⁵⁴ Дело Симбирского губтопа // Пролетарский путь. 1922. 13 мая; Дело губтопуправления // Пролетарский путь. 1922. 29 июня.

⁵⁵ Воейков Е. В. Руководители топливной промышленности Поволжья 1918 — начала 1920-х гг. С. 120–122.

России и пытались предотвратить, насколько это было возможно, бездумную вырубку с нарушением правил лесоводства наиболее ценных лесных массивов⁵⁶.

Честная работа руководителей-профессионалов на благо страны в годы Гражданской войны еще не гарантировала личной безопасности. Работники лесного хозяйства и лесной промышленности постоянно балансировали между выполнением служебного долга и репрессиями. Если хватало стойкости самому не оступиться и не запятнать себя злоупотреблениями по службе, то всегда оставался риск попасть под следствие за неисполнение какого-либо заведомо нереального распоряжения центра, вроде заготовки дров «личным трудом», как это произошло с целой группой пензенских и симбирских лесничих. Наконец, можно было просто попасть под горячую руку какого-нибудь ретивого чрезвычайного уполномоченного, как это случилось с заведующим лесозаготовительным районом Татарского райлескома П. М. Смоленцевым.

Можно констатировать, что применявшиеся карательные меры в отношении региональных управленцев были в отдельных случаях вполне обоснованны. Не подлежит сомнению, что репрессивная политика государства была вызвана заметным ростом преступности среди госслужащих. Даже в деятельности вызывающего симпатию своими профессиональными и человеческими качествами руководителя Пензенского гублескома И. М. Юкина заметны многочисленные нарушения и злоупотребления, граничащие с коррупцией.

Вместе с тем в отдельных случаях репрессиям подвергались работники, оказавшиеся заложниками обстоятельств по надуманным обвинениям. Выполнение не до конца продуманного декрета о заготовке дров «личным трудом» работников лесничеств могло привести только к дестабилизации лесозаготовок и срыву снабжения топливом железных дорог и городов. Примечательно, что это понимали и отдельные руководители Пензенской и Симбирской губчека, ограничившиеся максимально мягкими и формальными наказаниями для привлеченных к следствию лесничих и лесников своей губернии.

К сожалению, из-за ограниченности источниковой базы мы лишены возможности узнать, что помогало людям выдерживать тяжелейшее физическое и нервное напряжение при работе руководителем лесозаготовок на губернском и уездном уровнях в 1918–1921 гг. Те, кто остался в эти годы на своем посту и не перешел на более спокойную канцелярскую работу в другие учреждения, должны были как-то объяснить себе, почему они продолжают быть на вверенном им участке, трудясь на износ при постоянной угрозе ареста. Вряд ли привлекательным стимулом могла служить зарплата. В своем письме к А. И. Рыкову руководитель Пензенского гублескома писал, что он «с семьей и двумя детьми должен был жить на 5040 рублей, когда по официальному признанию отдела труда прожиточный минимум на одного равен 22 000»⁵⁷. Возможно, эти люди ощущали свою причастность к рождению новой России и верили в скорейшее преобразование общества и экономики на принципах разума и справедливости.

⁵⁶ Протоколы технических совещаний лесного отдела губземуправления // Государственный архив Ульяновской области. Ф.Р.337. Оп.1. Д.33. Л.20, 34; *Морохин Д.*: 1) Аграрный вопрос и расчистка леса в Симбирской губернии // Экономический путь. 1919. 5 февраля; 2) В защиту леса // Экономический путь. 1919. 25 января; 3) Печальное явление // Экономический путь. 1919. 13, 20 февраля.

⁵⁷ Материалы о работе Главлескома. Т. 3. Л. 38 об.

Гражданская война, топливный кризис, массовые дровозаготовки остались в далеком от нас начале XX в. Современная ситуация в экономике и обществе кардинально отличается от существовавшей в начале 1920-х гг., но некоторые тенденции продолжают оставаться практически неизменными на протяжении столетий. Правовые пробелы законодательства в ряде аспектов хозяйственной деятельности в сочетании с коррумпированностью госаппарата стали в условиях российских реалий многовековой традицией. По мнению автора данной работы, успешный руководитель-хозяйственник в России для выживания своей организации по-прежнему вынужден искать нестандартные методы работы, что неизбежно приводит его к тому самому балансированию между решением проблемы и должностным нарушением, граничащим с преступлением. В связи с этим перспективным представляется воссоздание в русле промышленной истории портрета хозяйственного руководителя различных отраслей промышленности в рамках сменявших друг друга экономических систем: военного коммунизма, нэпа, ускоренной модернизации 1930–1940-х гг., хрущевско-брежневской эпохи и последующей перестройки экономики на рыночные рельсы.

References

- Bakanov S. A. *Ugol'naiia promyshlennost' Urala: zhiznenni tsikl otrasli ot zarozhdeniia do upadka*. Cheliabinsk, Entsiklopediia Publ., 2012, 328 p. (In Russian)
- Cholakhian V. A. *Nizhnevolzhskii variant industrial'noi modernizatsii (konets XIX v. — 1930-e gg.)*. *Rossiiskaia istoriia*, 2012, no. 3, pp. 20–32. (In Russian)
- Gimpel'son E. G. *Sovetskie upravlentsy 1917–1920 gg.* Moscow, RAN Press, 1998, 259 p. (In Russian)
- Khaziev R. A. *Tsentralizovannoe upravlenie ekonomikoi na Urale v 1917–1921 godakh: Khaos, kontrol' i stikhiia rynka*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2007, 232 p. (In Russian)
- Kuz'mina T. N., Sharoshkin N. A. *Industrial'noe razvitie Povolzh'ia. 1928 — iiun' 1941 gg.: dostizheniia, izdazhki, uroki*. Penza, PGPU im. V. G. Belinskogo Press, 2005, 664 p. (In Russian)
- Markevich A. M., Sokolov A. K. *"Magnitka" bliz Sadovogo kol'tsa: Stimuly k rabote na Mo-skovskom zavode "Serp i molot", 1883–2001*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2005, 368 p. (In Russian)
- Mukhin M. Iu. *Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 2006, 320 p. (In Russian)
- Polikarpov V. V. *Rusaskaia voenno-promyshlennaia politika. 1914–1917. Gosudarstvennye zadachi i chastnye interesy*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015, 383 p. (In Russian)
- Postnikov S. P., Feldman M. A. *Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2009, 367 p. (In Russian)
- Sokolov A. K. *Ot voenproma k VPK: sovetskaia voennaia promyshlennost'. 1917 — iiun' 1941 gg.* Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012, 527 p. (In Russian)
- Voeikov E. V. *Rukovoditeli toplivnoi promyshlennosti Povolzh'ia 1918 — nachala 1920-kh gg.* *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2011, vol. 13, no. 3, pp. 118–123 (In Russian)
- Zykin I. V. *"Zelenoe zoloto" industrializatsii. Lesopromyshlennyi kompleks Ural'skogo regiona v kontse 1929 — pervoi polovine 1941 goda*. Nizhnii Tagil, Nizhnetagil'skii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii institut Press, 2015, 140 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2020 г.

Рекомендована к печати 14 марта 2022 г.

Received: September 8, 2020

Accepted: March 14, 2022